Мэри Поппинс

Автор:
Памела Трэверс

Мэри Поппинс

Памела Линдон Трэверс

Мэри Поппинс #1

«Если вы захотите отыскать Вишневую улицу, то проще всего обратиться к Полисмену, стоящему на перекрестке. Он слегка сдвинет набок каску, задумчиво почешет затылок, а потом вытянет руку в огромной белой перчатке и скажет: «Сначала направо, потом налево, потом еще раз направо – и вы на месте! Счастливого пути!»

И – будьте уверены, если вы точно пойдете в указанном направлении, то непременно окажетесь на Вишневой улице. По одну сторону вы увидите дома, по другую – Парк, а посередине – целую аллею огромных вишен…»

Памела Трэверс

Мэри Поппинс

Глава 1. Восточный ветер

Если вы захотите отыскать Вишневую улицу, то проще всего обратиться к Полисмену, стоящему на перекрестке. Он слегка сдвинет набок каску, задумчиво почешет затылок, а потом вытянет руку в огромной белой перчатке и скажет: «Сначала направо, потом налево, потом еще раз направо – и вы на месте!

Счастливого пути!»

И – будьте уверены, если вы точно пойдете в указанном направлении, то непременно окажетесь на Вишневой улице. По одну сторону вы увидите дома, по другую – Парк, а посередине – целую аллею огромных вишен.

И если вы будете искать дом № 17 – а эта книга рассказывает именно о нем, – то очень скоро его найдете. Во-первых, это самый маленький дом на всей улице. Во-вторых, он порядком облез и уже давно нуждается в покраске. Но мистер Бэнкс, которому дом принадлежит, поставил миссис Бэнкс условие: или у нее будет чистый, красивый, уютный дом, или четверо ребятишек. И ни в коем случае все сразу, так как то и другое одновременно он обеспечить не в состоянии.

После некоторого размышления миссис Бэнкс решила, что пусть лучше вместо красивого дома у нее будет четверо детей: Джейн (старшая), Майкл (средний) и Джон с Барбарой – Близнецы (самые младшие).

Именно так все произошло, и именно так семья Бэнксов поселилась в доме № 17, а вместе с ними миссис Брилл, которая занималась приготовлением пищи, Элен, которая накрывала на стол, и Робертсон Эй, который постригал газоны, точил ножи, чистил ботинки и, как частенько говаривал мистер Бэнкс, зря тратил свое время и его деньги.

Конечно, была еще няня Кэти, но вообще-то она не совсем заслуживает, чтобы говорить о ней в этой книге, так как к началу событий, описываемых здесь, она уже покинула дом № 17.

– Не предупредив! И даже не попрощавшись! – сказала по этому поводу миссис Бэнкс. – Что теперь прикажете делать?

– Дать объявление, дорогая, – отозвался мистер Бэнкс, надевая ботинки. – Н-да, хотелось бы мне, чтобы вот так же, ни слова не говоря, и Робертсон Эй ушел куда-нибудь! Он опять почистил только один ботинок, а ко второму даже не притронулся! Из-за него я снова буду выглядеть кособоким!

– Не думаю, – бросила миссис Бэнкс, – что это хоть кто-нибудь заметит. К тому же ты так и не сказал, что мне делать с няней Кэти!

– Не думаю, что ты можешь с ней что-либо сделать, хотя бы потому, что она исчезла, – ответил мистер Бэнкс, – но если бы на твоем месте был я, то я послал бы в «Утреннюю газету» объявление о том, что Джейн, Майкл и Джон с Барбарой Бэнкс (не говоря об их маме) просят за самую низкую плату самую лучшую няню прийти к ним, да поживее. Потом я бы сидел и ждал, пока няни не выстроятся перед нашими воротами в огромную очередь. Я бы даже сделал им выговор за то, что они задерживают уличное движение и вынуждают меня уплатить полисмену штраф за подобный беспорядок. Ну все! Мне пора! Бр-р-р! Холодно, как на Северном полюсе! Интересно, откуда дует ветер?

Сказав это, мистер Бэнкс высунул голову в окно и взглянул на противоположный конец улицы, где на углу возвышался дом Адмирала Бума. Это был самый необычный дом на Вишневой улице. Вся улица очень гордилась им, так как построен он был в форме большого корабля. В садике перед домом возвышался флагшток, а на крыше был установлен позолоченный флюгер в виде подзорной трубы.

– Ага! – сказал мистер Бэнкс, быстро юркнув обратно. – Подзорная труба Адмирала показывает, что дует восточный ветер. Так я и знал! То-то чувствую, кости ломит! Надену-ка я, пожалуй, пальто!

И, рассеянно поцеловав в нос жену и помахав на прощание детям, он отправился в Сити. Сити было таким местом, куда мистер Бэнкс ходил каждый день, исключая, разумеется, выходные и праздники. Там, сидя на большом стуле за огромным столом, он делал деньги. Целый день он усердно работал, производя пенсы и шиллинги, трехпенсовики и кроны. А потом приносил их домой в большом черном портфеле. Время от времени кое-что перепадало и Джейн с Майклом для их копилок. Но иногда мистер Бэнкс возвращался с пустым портфелем. В таких случаях он говорил: «Банк лопнул», – и дети сразу понимали, что сегодня ничего не получат.

Итак, мистер Бэнкс ушел вместе со своим черным портфелем, а миссис Бэнкс перебралась в гостиную, где уселась за стол с твердым намерением целый день писать в газеты письма с просьбами прислать столь необходимую ей няню.

Джейн и Майкл тем временем сидели в Детской и, глядя в окно, пытались представить, кто же к ним придет. Тому, что няня Кэти сбежала, они были рады, так как недолюбливали ее. Она была старой, толстой, и от нее все время пахло

ячменным отваром.

«Любой, кто бы ни пришел, – думали они, – будет лучше, чем няня Кэти, если не намного лучше!»

Когда солнце наконец скрылось за ветвистыми деревьями Парка, пришли Элен и миссис Брилл – накормить старших и выкупать Близнецов.

После ужина Джейн с Майклом снова уселись возле окна – ждать, когда мистер Бэнкс вернется домой, и слушать, как гудит на улице Восточный ветер, заставляя трепетать голые ветки вишен. А деревья, казалось, просто сошли с ума. Они так тряслись и гнулись, что могло показаться, будто они, высвободив из земли корни, пустились в пляс.

– Вон он! – сказал вдруг Майкл и указал на согнутую фигуру, стоящую напротив ворот.

Джейн вгляделась в сгустившуюся тьму.

– Это не папа! – сказала она. – Это кто-то другой!

Между тем согнутая фигура, шатаясь под порывами ветра, отодвинула щеколду, вошла в ворота – и в следующий момент Джейн с Майклом увидели, что это женщина. Одной рукой она придерживала шляпку, а в другой несла большой саквояж.

И тут произошла совсем невероятная, удивительная вещь! Едва фигура вошла во двор, как ветер подхватил ее, поднял в воздух и понес к дому. Было похоже, что вначале он доставил ее подобным образом к воротам, подождал, пока она их откроет, после чего перенес от ворот прямо к парадной двери. Через мгновение ребята услышали страшный удар, такой, что весь дом задрожал.

– Вот это да! Интересно, что случилось? – спросил Майкл.

– Не знаю, – сказала Джейн. – Давай пойдем и посмотрим, кто это!

И, взяв брата за руку, она потащила его за собой через всю Детскую на лестницу. Отсюда, с верхней площадки, им было прекрасно видно все, что происходит в прихожей.

Через некоторое время из гостиной вышла их мама, а за ней и таинственная гостья. У незнакомки были блестящие черные волосы («Почти как у моей голландской деревянной куклы!» – прошептала Джейн). Она была худощавой, но с большими руками и ногами, а из-под слегка нахмуренных бровей смотрели маленькие, пронзительные синие глаза.

– Вы увидите, это прекрасные дети! – говорила миссис Бэнкс.

При этих словах Майкл ткнул Джейн локтем под ребра.

– Уверяю, с ними не будет никаких хлопот! – продолжала миссис Бэнкс нерешительно, так как сама не очень верила своим словам. Гостья издала звук, похожий на фырканье, словно и она сильно в этом сомневалась.

– Теперь хотелось бы взглянуть на ваши рекомендации…

– Одно из моих основных правил, – сказала гостья твердым, уверенным голосом, – никогда никаких рекомендаций!

Миссис Бэнкс непонимающе уставилась на нее.

– Но я думала… что так принято. Я имею в виду… но ведь, насколько я знаю, все люди так делают!

– По-моему, это очень старомодный обычай, – услышали Джейн и Майкл строгий голос. – Очень старомодный! Даже можно сказать, совершенно несовременный!

Если и было на свете что-то, способное вывести миссис Бэнкс из себя, так это мысль, что ее могут счесть старомодной. Поэтому она быстро сказала:

– Ну что ж, хорошо. Забудем о них. Я спросила лишь на тот случай, если бы вы сами захотели их предоставить.

И она стала подниматься по лестнице, показывая гостье дорогу в Детскую и ни на минуту не переставая болтать. Из-за этого миссис Бэнкс не видела того, что происходило прямо у нее за спиной. Зато Джейн с Майклом смотрели во все глаза, потому что поведение гостьи было более чем странным. Дело в том, что, следуя вверх по лестнице за хозяйкой, она делала это не совсем обычным способом. Продолжая держать в руках свой саквояж, она уселась на перила и въехала по ним наверх, очутившись там одновременно с миссис Бэнкс. Такое не удавалось еще никому! Вниз – пожалуйста: Джейн с Майклом сами довольно часто проделывали подобные штуки, но вверх – никогда!

– Ну что ж, значит – договорились? – со вздохом облегчения спросила миссис Бэнкс.

– Естественно. До тех пор, пока это меня будет устраивать, – ответила незнакомка, вытирая нос большим платком в красно-белую клетку.

– Дети, – произнесла миссис Бэнкс, внезапно обнаружив их присутствие. – Интересно знать, что вы здесь делаете? Ну ладно. Познакомьтесь: это ваша новая няня, Мэри Поппинс. Джейн, Майкл, поздоровайтесь же! А там, – и она взмахом руки показала на стоящие в соседней комнате кроватки, – там Близнецы.

Мэри Поппинс внимательно разглядывала всех четверых детей, неторопливо переводя взгляд с одного на другого, и словно пыталась решить, нравятся они ей или нет.

– Ну как? – поинтересовался Майкл.

– Майкл! Веди себя прилично! – одернула его миссис Бэнкс.

А Мэри Поппинс продолжала изучающе осматривать ребят. Затем, громко хмыкнув, (это, судя по всему, означало, что решение принято), она сказала:

– Да, я принимаю ваше предложение.

– И, клянусь всем, чем угодно, – говорила миссис Бэнкс мужу пять минут спустя, – сделала это так, будто оказала нам великую честь!

– Что ж, может, так оно и есть, – пробормотал мистер Бэнкс, на секунду выглядывая из-за газеты и тут же прячась обратно…

Когда мама ушла, Джейн и Майкл несмело приблизились к Мэри Поппинс, которая, будто столб, неподвижно стояла посреди Детской, скрестив на груди руки.

– Как вы пришли? – спросила Джейн. – Нам показалось, что вас принесло ветром.

– Так оно и есть, – коротко ответила Мэри Поппинс и принялась разматывать шарф и снимать шляпку. Было похоже, что, кроме громкого сопения, из нее больше ничего не удастся вытянуть. Джейн тоже молчала. Однако, когда новая няня принялась распаковывать саквояж, Майкл не выдержал:

– Какая странная сумка! – удивился он.

– Ковер, – ответила Мэри Поппинс, вставляя ключ в замок на саквояже.

– Вы хотите сказать, что это сумка для переноски ковров?

– Нет. Сделана из.

– А! – протянул Майкл. – Понятно, – хотя на самом деле ничего не понял.

В это время саквояж открылся, и ребята были удивлены еще больше, увидев, что он совершенно пуст.

– Как? – воскликнула Джейн. – Но ведь в нем ничего нет!

– Это как ничего? – переспросила Мэри Поппинс, выглядя до глубины души оскорбленной. – Вы сказали «ничего»?

И с этими словами она вынула из совершенно пустого саквояжа белый накрахмаленный передник и тут же надела его. Вслед за ним она достала большой кусок туалетного мыла, зубную щетку, пакетик шпилек, флакон духов, складное кресло и маленькую коробочку с пилюлями от насморка.

Джейн и Майкл были поражены.

– Но я видел! – прошептал Майкл. – Я уверен в том, что он был совершенно пустым!

– Тсс! – шикнула Джейн, так как Мэри Поппинс достала из саквояжа большую бутылку с этикеткой, на которой красивыми буквами было написано: «Принимать по одной чайной ложке перед сном».

Приставив ложку к горлышку бутылки, Мэри Поппинс налила в нее какую-то темно-малиновую жидкость.

– Это ваше лекарство? – спросил Майкл, весьма заинтригованный.

– Нет, ваше, – отрезала Мэри Поппинс, поднося ложку к его рту.

Майкл вытаращил глаза. Сморщив нос, он принялся протестовать.

– Я не хочу! Мне не надо лекарства! Не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с Майкла пронзительного взгляда, и внезапно он почувствовал, что нельзя смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться ее. Что-то странное, очень-очень-очень необычное было в ней, одновременно и пугающее, и веселящее. Ложка придвинулась ближе. Майкл задержал дыхание, зажмурил глаза и… и ощутил во рту чудесный вкус. Он проглотил, облизнулся, и счастливая улыбка расплылась по его лицу.

– Земляничное мороженое! – сказал он восторженно. – Еще! Еще! Еще!

Но Мэри Поппинс с тем же строгим выражением лица уже отмеряла дозу для Джейн. То, что она наливала, искрилось и на этот раз было желтовато-зеленым.

– Ой! Сладкий лимонный сок! – проглотив, сказала Джейн и облизала губы. Но увидев, что Мэри Поппинс направилась с бутылкой к Близнецам, она бросилась к ней.

– Ой! Не надо! Пожалуйста! Они еще маленькие! Им это вредно!

Мэри Поппинс, однако, не обратила на крики Джейн ни малейшего внимания и сунула ложку в рот Джону. Тот с жадностью проглотил ее содержимое, уронив при этом несколько капель на свой нагрудник, и изумленные Джейн с Майклом увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Затем свою порцию получила Барбара. Наконец Мэри Поппинс в последний раз наполнила ложку и торжественно приняла «лекарство» сама.

– Пунш с ромом, – сказала она, прищелкивая языком и закрывая бутылку.

Глаза Джейн и Майкла расширились еще больше, но времени удивляться у них не было, так как Мэри Поппинс, поставив замечательную бутылку на каминную полку, повернулась к ним.

– А теперь – марш в постель! – строго сказала она и начала их раздевать. Одежные крючки и пуговицы, доставлявшие всегда столько хлопот няне Кэти, у Мэри Поппинс расстегивались сами, едва ей стоило на них посмотреть. Через минуту Джейн с Майклом уже лежали в постелях и при тусклом свете ночника смотрели, как Мэри Поппинс разбирает остаток своего багажа. Из коврового саквояжа она достала семь фланелевых и четыре хлопчатобумажные ночные рубашки, пару туфель, коробку домино, две купальные шапочки и альбом с открытками. После всего этого появилась складная кровать с одеялами и периной. Ее Мэри Поппинс установила между кроватками Джона и Барбары.

Джейн с Майклом смотрели как зачарованные. Все происходящее было так удивительно и непонятно, что они не могли произнести ни слова. Но они точно знали, что в доме № 17 по Вишневой улице произошло что-то прекрасное и вместе с тем очень-очень-очень необычное.

Мэри Поппинс тем временем, натянув через голову одну из фланелевых ночных рубашек, принялась под ней раздеваться.

Майкл, совершенно очарованный всем происходящим, негромко позвал:

– Мэри Поппинс! Вы ведь никогда от нас не уйдете, правда?

Ответа не последовало.

– Вы ведь не уйдете от нас, правда? – опять спросил Майкл, решив, что его не услышали.

Голова Мэри Поппинс показалась из-под ночной рубашки. Выражение ее лица было чрезвычайно сердитым.

– Еще одно слово, – произнесла она угрожающе, – и я позову Полисмена!

– Но… но я только хочу, чтобы вы остались с нами подольше… – пролепетал Майкл, покраснев.

Мэри Поппинс молча перевела взгляд с Майкла на Джейн и фыркнула.

– Останусь, пока ветер не переменится, – ответила она коротко и, выключив свет, легла в постель.

– Тогда хорошо, – сказал Майкл, отчасти для себя, а отчасти для Джейн. Но Джейн не слышала. Она думала обо всем, что произошло сегодня, и видела сны…

Так Мэри Поппинс появилась в доме № 17 по Вишневой улице. И несмотря на то, что временами его обитатели с сожалением вспоминали о спокойных днях, когда няня Кэти управляла домашним хозяйством, все были рады происшедшему. Мистер Бэнкс был рад тому, что Мэри Поппинс не нарушила уличного движения и, соответственно, ему не пришлось платить полисмену штраф. Миссис Бэнкс была рада, так как теперь могла говорить всем соседям, что у нее работает такая роскошная няня, что не нуждается ни в каких рекомендациях. Элен и миссис Брилл радовались тому, что теперь могли целыми днями сидеть на кухне, пить чай из больших фарфоровых чашек и не заботиться о детских обедах. Даже у Робертсона Эя не было причин для недовольства, так как у Мэри Поппинс была только одна пара туфель, да и ту она чистила сама.

Но вот что думала сама Мэри Поппинс обо всем этом, никто не знал, потому что она никому ничего не говорила.

Глава 2. Выходной

– Каждый третий четверг, – сказала миссис Бэнкс, – с двух до пяти.

Мэри Поппинс удивленно посмотрела на нее.

– Порядочные люди, мэм, – возразила она, – всегда предоставляют каждый второй четверг, и с часу до шести. На такие же условия соглашусь и я, или… – Она выдержала паузу, и миссис Бэнкс сразу поняла, что именно эта пауза означает. А означала она то, что если Мэри Поппинс не получит, чего хочет, она не останется здесь больше ни минуты.

– Хорошо-хорошо, – поспешно согласилась миссис Бэнкс, так как не хотела, чтобы Мэри Поппинс думала о каких-то порядочных людях лучше, чем о ней самой…

А поскольку именно сегодня и был второй четверг, Мэри Поппинс, натянув белые перчатки и сунув под мышку зонтик, вышла из дома. Надо сказать, зонтик она взяла вовсе не потому, что шел дождь, а исключительно из-за его красивой ручки. Дело в том, что Мэри Поппинс не была лишена тщеславия и любила красиво выглядеть. Да и в самом деле, разве мог хоть кто-то выглядеть лучше нее, когда она шла по улице, держа в руке зонтик, ручка которого была сделана в форме головы попугая?

Джейн выглянула из окна Детской и помахала Мэри Поппинс рукой.

– Куда вы идете? – крикнула она ей.

– Закрой окно, будь добра! – прозвучало в ответ, и голова Джейн тут же скрылась.

Пройдя по садовой дорожке до ворот, Мэри Поппинс открыла их. Очутившись на улице, она сразу прибавила шагу. На углу она повернула направо, потом налево, надменно кивнула поздоровавшемуся с ней Полисмену – и почувствовала, что ее выходной начался.

Задержавшись у стоящего возле обочины автомобиля, она посмотрела на свое отражение в лобовом стекле и поправила шляпку. Перехватив зонтик так, чтобы каждый мог видеть ручку в форме головы попугая, Мэри Поппинс двинулась дальше – туда, где ее уже должен был ждать Спичечник.

Вообще-то у Спичечника было две профессии, потому что он не только торговал спичками, как остальные, обыкновенные спичечники, но еще и рисовал картины на тротуарах. Чем именно Спичечник занимался в то или иное время, полностью зависело от погоды. Если шел дождь, то он продавал спички – ведь дождь мог смыть картины, возьмись он их рисовать. Если же было ясно, то Спичечник целый день проводил на коленках, рисуя цветными мелками на асфальте. Причем рисовал он на удивление быстро. Едва вы успевали заметить его на одной стороне улицы, как он уже оказывался на другой.

День, о котором идет речь, был холодным, но ясным. Поэтому Спичечник рисовал. К длинному ряду уже готовых картин вот-вот должно было прибавиться еще три (Спичечник рисовал все три картины сразу. На первой была изображена связка бананов, на второй – яблоко, а на третьей – голова королевы Елизаветы.

Мэри Поппинс на цыпочках подошла к Спичечнику.

– Привет! – тихо сказала она.

Но Спичечник продолжал рисовать, нанося коричневым мелком штрихи сразу и на бананы, и на кудри королевы Елизаветы.

– Гм! – кашлянула Мэри Поппинс так, как это делают только настоящие леди.

Спичечник тут же обернулся и увидел ее.

– Мэри! – воскликнул он, и по тому, как он это сделал, было видно, что Мэри Поппинс в его жизни играет очень важную роль.

Посмотрев на свои туфли, она улыбнулась и тихо произнесла:

– Берт! Ведь это мой день! Разве ты забыл?

(Берт было имя Спичечника.)

– Что ты, Мэри! Я конечно же помню! – воскликнул Берт. – Но… – Он запнулся, огорченно покосившись на свою кепку. Кепка лежала на асфальте возле последней картины, и в ней было лишь две монетки по одному пенсу. Спичечник поднял ее и побренчал деньгами.

– Это все, что ты заработал, Берт? – спросила Мэри Поппинс так радостно, что никому бы и в голову не смогло прийти, будто она разочарована.

– Да, как видишь, негусто, – сказал он печально, – что-то совсем дела нынче плохи. Да и кто захочет раскошелиться, чтобы взглянуть на это? – И он махнул рукой на королеву Елизавету. – Такие вот дела, Мэри. Боюсь, что я не смогу сегодня пригласить тебя на чай.

Мэри Поппинс с грустью подумала о пирожках с начинкой из малинового варенья, которые они обычно ели по выходным, и уже хотела было вздохнуть, но вовремя увидела лицо Спичечника. Он бы не вынес этого. Подавив едва не сорвавшийся с губ вздох, она улыбнулась.

– Ничего, Берт. Не беспокойся. Я вполне могу обойтись и без чая. К тому же пирожки – такая тяжелая пища…

Да, подобный поступок по-настоящему мог оценить только тот, кто знал, как Мэри Поппинс любит пирожки с начинкой из малинового варенья! И Спичечник, видимо, оценил, потому что благодарно пожал ей руку.

А потом они вместе пошли вдоль длинного ряда картин.

– Вот здесь картины, которых ты еще не видела, – гордо сказал Спичечник, показывая на одну из них. Там была изображена покрытая снегом гора. На ее склонах росли гигантские розы, и на каждой розе сидело по кузнечику. Теперь Мэри Поппинс могла спокойно вздохнуть, не обидев его.

– Ах, Берт! Это просто чудесно! – сказала она, причем таким тоном, что становилось совершенно очевидно: этим картинам место, по меньшей мере, в Королевской Академии (Королевская Академия, как известно, это такое большое

помещение, куда люди вешают нарисованные ими картины. Потом все приходят на них посмотреть, а когда насмотрятся, то говорят друг другу: «Вот это да!»).

Следующая картина, к которой подошли Спичечник и Мэри Поппинс, оказалась еще лучше. На ней была нарисована какая-то неведомая страна, страна высоких деревьев и густых трав. В просвете между зелеными кронами виднелся кусочек моря и что-то еще, похожее на едва различимые вдали старинные ворота.

– Ну и ну! – восхищенно воскликнула Мэри Поппинс, останавливаясь, чтобы получше все рассмотреть. – Что случилось, Берт?

Спичечник внезапно схватил ее за руку. Его лицо светилось радостью.

– Мэри! У меня идея! Почему бы нам не пойти прямо туда? Прямо сейчас! В картину!

И, держа ее за руку, он сделал два шага вперед. Фонарные столбы с висящими на них проводами качнулись и куда-то пропали. Ух! – и Мэри Поппинс с Бертом оказались внутри нарисованной на асфальте картины.

Было тихо. Мягкая трава едва слышно шелестела у них под ногами. Мэри Поппинс и Спичечник не верили собственным глазам. Ветви, словно играя, легонько барабанили по их шляпам, пока они пробирались вперед, а небольшие пестрые цветочки цеплялись за туфли.

Взглянув друг на друга, они внезапно увидели, что вместе с окружающим миром изменились и они сами. На Спичечнике красовался новый костюм, состоящий из зеленого в красную полоску пиджака, белых фланелевых брюк и новой соломенной шляпы. Весь он был такой чистый, такой элегантный, что, казалось, даже светится, словно новенькая монетка в три пенса.

– О, Берт! Ты прекрасно выглядишь! – воскликнула Мэри Поппинс в восхищении.

Берт некоторое время вообще не мог выговорить ни слова. Он широко разевал рот и лишь таращил глаза на свою спутницу. Наконец он выдавил из себя:

– Ей-богу!

Больше он не мог произнести ни слова, но при этом выглядел таким взбудораженным и смотрел на нее так радостно, что Мэри Поппинс невольно потянулась за зеркальцем. То, что она увидела, превзошло все ее ожидания. С ее плеч ниспадала роскошная накидка из узорчатого шелка. Шею щекотало свешивающееся со шляпы длинное пушистое перо. На ногах появились новые туфли с переливающимися всеми цветами радуги застежками из драгоценных камней. Единственное, что напоминало прежнюю Мэри Поппинс, так это белые перчатки да зонтик с ручкой в форме головы попугая.

– Бог мой! – пробормотала она. – Да у меня сегодня и впрямь Выходной!

Не переставая удивляться, они двинулись через лес и скоро вышли на залитую солнечным светом поляну. И там они увидели… Нет, это было просто невероятно! Посреди поляны стоял небольшой зеленый столик, а на нем – огромный пыхтящий медный чайник. Рядом, на столе побольше, располагалось чудовищных размеров блюдо с целой горой пирожков с начинкой из малинового варенья. Здесь же были две тарелки с маленькими бутербродиками-канапе, в каждом из которых торчала миниатюрная заостренная палочка.

– Ой, я сейчас покраснею! – сказала Мэри Поппинс. Она всегда это говорила, когда была кому-нибудь за что-то благодарна.

– Ей-богу! – повторил и Спичечник свою любимую фразу.

– Не хотите ли присесть, мэм? – услышали они вдруг чей-то голос и, обернувшись, увидели выходящего из леса человека в черном фраке. Через руку у него была перекинута белоснежная салфетка. Мэри Поппинс в удивлении плюхнулась на один из маленьких зеленых стульчиков, стоявших вокруг стола. Спичечник, изумленный ничуть не меньше, уселся на другой.

– Как вы уже, наверное, догадались, я Официант, – объяснил человек во фраке.

– Но… но я не видела вас на картине! – сказала Мэри Поппинс.

– Ах это… Меня просто не было видно из-за деревьев, – пояснил Официант.

– Не хотите ли присесть? – пригласила его Мэри Поппинс.

– Благодарю, мэм, но официантам это не положено, – ответил Официант, явно польщенный ее предложением. – Ваши бутерброды, сэр! – сказал он, пододвигая тарелку Спичечнику.

– Мы должны обязательно все съесть! – шепнула Мэри Поппинс, быстро разделавшись со своими бутербродиками и приступая к пирожкам с начинкой из малинового варенья.

– Ей-богу! – согласился Спичечник, выбирая два самых больших пирожка.

– Чаю? – осведомился Официант, все это время стоявший рядом, – и наполнил из чайника две огромные чашки.

Они выпили по одной чашке чаю, потом еще по одной и еще по две, пока от горы пирожков с начинкой из малинового варенья ничего не осталось.

Мэри Поппинс смела со стола крошки.

– Платить не нужно, – упредил их вопрос Официант. – На здоровье! Кстати, здесь неподалеку есть карусель. – И он махнул рукой в просвет между деревьями. Обернувшись, Мэри Поппинс и Спичечник увидели круглый помост и несколько деревянных коней на нем.

– Как странно, – произнесла Мэри Поппинс. – Что-то я не помню этой карусели на картине.

– Гм, – сказал Спичечник, который и сам ничего подобного не помнил, – кажется, это было на заднем плане…

Карусель замедлила свой бег, когда они подошли к ней. Мэри Поппинс села на черного коня, а Спичечник – на серого. Музыка тут же заиграла вновь, карусель завертелась, и деревянные кони понеслись вперед. Бежали они очень быстро, при этом совершенно не уставая, так что за час с небольшим проделали весь путь до Ярмута (Мэри Поппинс уже давно мечтала побывать в этом приморском городке) и обратно.

Когда они возвратились, уже почти стемнело и Официант повсюду разыскивал их.

– Прошу прощения, – вежливо сказал он, подойдя ближе, – но в семь часов мы закрываемся. К сожалению, не мы придумали эти правила… Поэтому, если вы не возражаете, я покажу вам обратную дорогу.

Мэри Поппинс и Спичечник кивнули, и Официант, взмахнув салфеткой, бодро зашагал через лес.

– Берт, это самая замечательная картина из всех, что ты нарисовал, – сказала Мэри Поппинс, поправляя накидку и беря Спичечника под руку.

– В меру сил и способностей, Мэри, – ответил тот скромно, выглядя чрезвычайно довольным собой.

Официант остановился перед большими белыми воротами, которые, казалось, состояли из толстых меловых линий.

– Пришли, – объявил он, – там путь наружу.

– До свидания! И – большое спасибо! – сказала Мэри Поппинс, пожимая ему руку.

– До свидания, мэм, – ответил Официант и поклонился так низко, что его голова едва не ударилась о колени.

Потом он кивнул Спичечнику, а тот в ответ склонил голову набок и прищурил один глаз, что, судя по всему, должно было означать «до встречи».

После всего этого они шагнули за белые ворота. И как только это произошло, перо со шляпы Мэри Поппинс исчезло, шелковая накидка соскользнула с плеч, а драгоценные камни растаяли в воздухе. Яркий костюм Спичечника полинял, а его красивая соломенная шляпа снова превратилась в оборванную кепку.

Оглянувшись, Мэри Поппинс поняла, что они вернулись. Некоторое время она, стоя на тротуаре, напряженно вглядывалась в картину, пытаясь различить там Официанта. Но на картине не было ни души. Ничто в ней не двигалось. Даже

карусель куда-то исчезла. Остались только деревья, трава, да неподвижный кусочек моря вдали.

Но Мэри Поппинс и Спичечник счастливо улыбались друг другу: ведь они знали о том, что скрывается за деревьями…

Когда Мэри Поппинс возвратилась домой, Джейн и Майкл выбежали ей навстречу.

– Где, где вы были? – забросали они ее вопросами еще в прихожей.

– В Волшебной стране, – нехотя отозвалась она.

– Как?! И вы видели Золушку?! – изумилась Джейн.

– Кого? Золушку? Нет, кто угодно, но только не я! – поморщилась Мэри Поппинс. – Надо же такое спросить – Золушку! Подумать только!

– А Робинзона Крузо? – задал тогда вопрос Майкл.

– Робинзона Крузо? Фи! – презрительно бросила Мэри Поппинс, передернув плечами.

– Но тогда, значит, вы там не были! Или были, но в какой-то совсем другой стране!

Мэри Поппинс фыркнула.

– Разве вы не знаете, – сказала она, смерив их взглядом, в котором явно читалось сожаление, – что у каждого человека своя собственная Волшебная страна?

И, еще раз фыркнув, она стала подниматься по ступенькам, чтобы положить на место зонтик и перчатки…

Глава 3. Веселящий газ

– А вы уверены, что он дома? – спросила Джейн, когда вместе с Мэри Поппинс и Майклом вышла из автобуса.

– Вот еще! Стал бы мой дядя приглашать нас к чаю, если бы собирался куда-то уходить!

Мэри Поппинс была явно обижена вопросом. Сегодня на ней было синее пальто с серебряными пуговицами и синяя же, в тон, шляпка, а в те дни, когда Мэри Поппинс бывала одета подобным образом, обидеть ее ничего не стоило.

Все трое шли по улице, направляясь в гости к мистеру Паррику, приходившемуся, как уже было сказано, Мэри Поппинс дядей. Джейн и Майкл так долго ждали этого дня, что были всерьез напуганы одной только мыслью о том, что дяди может не оказаться дома.

– А почему его зовут мистер Паррик? – спросил Майкл, едва поспевая за Мэри Поппинс. – Он что, носит парик?

– Его зовут мистер Паррик потому, что таково его имя! И никакого парика он не носит. Он лысый, – сказала Мэри Поппинс, – а если я услышу еще хоть один вопрос, мы сразу же вернемся домой!

И она фыркнула, как делала всегда, когда бывала недовольна.

Джейн с Майклом переглянулись и нахмурились, что должно было означать: «Не надо спрашивать ее больше ни о чем, а то мы никогда туда не попадем!»

На углу, возле табачного магазина, Мэри Поппинс остановилась, чтобы поправить шляпку. В магазине была одна из тех странных витрин, в которой вместо одного вашего отражения появляется сразу три, так что, если смотреться достаточно долго, можно подумать, что вы – это вовсе не вы, а целая толпа каких-то незнакомых людей. Но Мэри Поппинс, увидев сразу три собственных отражения, одетых в синие пальто с серебряными пуговицами и синие же, в тон, шляпки, просияла от удовольствия. Единственное, о чем, возможно, она жалела, так это что отражений слишком мало. Вот если бы их было тридцать или хотя бы

двенадцать! Чем больше, тем лучше!

– Ну пойдемте же! – наконец строго сказала она, точно это Джейн и Майкл задерживали ее.

Выйдя на Робертсон Роуд, они дошли до дома № 3 и позвонили в дверь. Джейн и Майкл слышали, как звонок эхом отозвался в прихожей, и замерли, думая о том, что всего через несколько минут они будут в первый раз в жизни пить чай с дядей Мэри Поппинс.

– Конечно, в том случае, если он дома, – шепнула Джейн Майклу.

В это самое время дверь распахнулась, и на пороге появилась худая, болезненного вида особа.

– Он дома? – с ходу выпалил Майкл.

– Я бы очень тебя попросила, – сказала Мэри Поппинс, наградив Майкла свирепым взглядом, – чтобы ты позволил говорить мне!

– Здравствуйте, миссис Паррик! – вежливо произнесла Джейн.

– Миссис Паррик! – воскликнула худая леди, голосом еще более тонким, чем она сама. – Да как вы смеете называть меня так? Нет уж! Большое спасибо! Мое имя мисс Персиммон, и я горжусь этим! Надо же, миссис Паррик!

Казалось, она была страшно обижена, и Джейн с Майклом решили, что мистер Паррик, видимо, очень странный человек, если мисс Персиммон так рада, что она не миссис Паррик.

– Прямо наверх первая дверь! – взвизгнула мисс Персиммон и быстро пошла по коридору, продолжая твердить тоненьким голоском: «Миссис Паррик! Ну надо же, миссис Паррик!»

Ребята последовали за Мэри Поппинс вверх по лестнице. Наконец она остановилась перед дверью и постучала.

– Да-да! Входите-входите! Добро пожаловать! – раздался громкий, веселый голос изнутри. Джейн и Майкл прямо задрожали от волнения.

– Он там! – говорил взгляд Джейн.

Мэри Поппинс отворила дверь, и перед ними возникла большая светлая комната. В дальнем ее конце ярко горел камин, а посередине стоял огромный стол, накрытый для чая. Тут были и печенье, и пирожки, и целые горы всевозможных бутербродов, и даже большой сливовый торт, покрытый нежной розовой глазурью.

– Ах, как приятно! – приветствовал их громкий голос.

Джейн с Майклом оглянулись, пытаясь найти его обладателя. Но вокруг никого не было. Комната казалась совершенно пустой.

Вдруг они услышали возмущенный голос Мэри Поппинс:

– О боже! Дядя Альберт! Вы снова! Может быть, вы забыли, что сегодня у вас вовсе не день рождения?

Говоря это, она почему-то смотрела вверх, на потолок. Подняв голову, Джейн и Майкл, к своему крайнему изумлению, увидели кругленького, толстого, лысого человека, который совершенно свободно висел в воздухе. Расположился он там очень недурно, так как сидел положив ногу на ногу и даже читал газету.

– Дорогуша! – отозвался мистер Паррик, улыбаясь детям и виновато поглядывая на Мэри Поппинс. – Боюсь, что как раз сегодня и есть мой день рождения!

– Ай-яй-яй-яй-яй! – покачала головой Мэри Поппинс.

– Правда, вспомнил я об этом только вчера вечером и не смог предупредить тебя, чтобы ты пришла в какой-нибудь другой день. Ужасно неудобно, правда? – сказал он, глядя сверху вниз на Джейн и Майкла. – Да-да, вижу, вы удивлены, – тут же добавил он.

И действительно, рты ребят были раскрыты так широко, что мистер Паррик, будь он чуть поменьше, вполне мог бы упасть в один из них.

– Сейчас я вам все объясню, – невозмутимо продолжал тем временем мистер Паррик. – Дело вот в чем. Я очень веселый человек и иногда люблю посмеяться. Вы даже не поверите, сколько на свете вещей, способных меня развеселить. Я могу смеяться почти над всем! Честное слово!

С этими словами мистер Паррик вдруг затрясся в воздухе, видимо, развеселившись от мысли о собственной чрезмерной веселости.

– Дядя Альберт! – одернула его Мэри Поппинс, и мистер Паррик, вздрогнув, замолчал.

– Прошу прощения, моя дорогая! – сказал он. – Так на чем это я остановился? Ах, да! И самое смешное состоит в том… в том… Ну хорошо, хорошо, Мэри, я не буду больше смеяться… Так вот, когда мой день рождения выпадает на пятницу, я начинаю вдруг ощущать в себе необычайную легкость. Все во мне как бы приподнимается… Выше, выше, выше – и р-р-раз!

– Но почему?.. – начала было Джейн.

– Но как? – не вытерпел Майкл.

– Видите ли, если я в этот день начинаю смеяться, то так сильно наполняюсь Веселящим газом, что потом, даже если и захочу, никак не могу опуститься на землю. Это происходит, даже если я улыбаюсь. Первая же смешная мысль – и я взлетаю, точно воздушный шар! И пока я не подумаю о чем-нибудь серьезном или грустном, опуститься вниз нет абсолютно никакой возможности!

Мистер Паррик опять было начал хихикать, но, уловив гневный взгляд Мэри Поппинс, поперхнулся и продолжил:

– Это, конечно, не совсем обычно, но, доложу вам, не лишено приятности. С вами, наверное, этого никогда не случалось?

Джейн и Майкл замотали головами.

– Ну да, я так и думал. Скорее всего, это только моя характерная особенность. Однажды, ей-богу, вы не поверите, я в свой день рождения побывал в цирке, а потом целых двенадцать часов проболтался дома под потолком. И только когда пробило полночь, я наконец шлепнулся на пол. Ведь началась суббота, и мой день рождения кончился. Все это очень странно, не правда ли? Смешно, даже можно сказать! А теперь снова мой день рождения, и снова пятница, и вы вместе с Мэри Поппинс пришли ко мне в гости… Ха-ха-ха!.. Господи, только не смешите меня, только не смешите!.. Умоляю! Ха-ха-ха!

И хотя Джейн с Майклом не делали ничего смешного, а только в изумлении таращили глаза, мистер Паррик опять принялся громко смеяться, раскачиваясь в разные стороны и подпрыгивая на месте. Газета болталась у него в руке, а очки каждую минуту грозили свалиться с носа. Он так комично выглядел, кувыркаясь в воздухе наподобие большого пузыря, так смешно тыкался об потолок головой и хватался руками за люстру, когда пролетал мимо нее, что Джейн и Майклу, несмотря на то, что они изо всех сил старались соблюдать приличия, сдерживаться стало невозможно. И они засмеялись. Да как! Они пытались зажать рты ладонями, чтобы удержать смех, но из этого ничего не выходило. В конце концов они попа?дали на пол и принялись кататься, буквально помирая со смеху.

– Это еще что такое? – повысила голос Мэри Поппинс. – Это что за поведение?!

– Ой, не могу! Ой, не могу! – стонал Майкл, подкатываясь к камину. – Ой, как смешно! Джейн, ты посмотри…

Но Джейн не отвечала. С ней случилась необыкновенная вещь. Она почувствовала, что ее тело вдруг стало утрачивать вес. Это было так странно, но вместе с тем так замечательно, что ей еще больше захотелось смеяться. Она собралась сказать об этом Майклу, но вдруг почувствовала, что медленно отрывается от пола и летит к потолку.

Майкл в изумлении таращил глаза на то, как она неторопливо плыла вверх. Вот ее голова коснулась потолка, и скоро Джейн очутилась рядом с мистером Парриком.

– Так-так! – озадаченно пробормотал мистер Паррик. – Уж не хотите ли вы сказать, что у вас сегодня тоже день рождения?

Джейн отрицательно покачала головой.

– Нет? Так что же, стало быть, Веселящий газ действует не только на меня? Эй! Там! Тпру! Осторожнее, полка! – закричал он тут же Майклу, который, внезапно оторвавшись от пола, понесся вверх и чуть не врезался головой в каминную полку, сплошь уставленную всевозможными безделушками. Через несколько секунд он с размаху плюхнулся мистеру Паррику прямо на колени.

– Привет! – сказал тот и сердечно пожал Майклу руку. – Ей-богу, очень мило с вашей стороны – подняться ко мне наверх. Надеюсь, это не из-за того, что я не могу опуститься вниз? А?

И, переглянувшись, мистер Паррик и Майкл вновь залились смехом.

– Наверное, – обратился затем мистер Паррик к Джейн, утирая слезы, – наверное, вы будете думать, что у меня самые ужасные манеры на всем белом свете. Такая красивая юная леди должна, конечно, сидеть, а я, между тем, даже не могу предложить вам стул! Хотя, знаете, в воздухе тоже можно сидеть и, надо сказать, очень и очень неплохо! Честное слово!

Джейн попыталась последовать его совету и скоро устроилась вполне сносно. Сняв свою шляпку, она положила ее перед собой, и та… зависла в воздухе безо всякой опоры.

– Замечательно! – сказал мистер Паррик. Затем он повернулся и взглянул вниз на Мэри Поппинс. – Ну вот, Мэри, мы и устроились. Теперь твоя очередь, моя дорогая! Буду очень рад видеть тебя здесь, наверху… Но Мэри, почему ты хмуришься? Боюсь, ты сердишься на меня.

Он кивнул в сторону Джейн и Майкла и торопливо заговорил:

– Ну извини, извини, дорогая. Ведь ты же знаешь, как это бывает со мной. К тому же я никак не ожидал, что мои два юных друга тоже заразятся этим! Честное слово! Да, да, согласен, наверное, я должен был пригласить их в какой-нибудь другой день… Ну, пусть они тогда подумают о чем-нибудь грустном или о чем-нибудь…

– Нет, я просто обязана это сказать! – строго произнесла Мэри Поппинс. – Еще никогда в жизни я не видела ничего подобного! А в вашем возрасте, дядя…

– Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Взбирайтесь сюда! – перебил ее Майкл. – Подумайте о чем-нибудь смешном, и вы увидите, что это очень легко!

– Слушай, Мэри, в самом деле! – продолжал настаивать мистер Паррик.

– Нам здесь так одиноко без вас! – попросила и Джейн, протягивая к Мэри Поппинс руки. – Пожалуйста, Мэри Поппинс, подумайте о чем-нибудь смешном!

– Ей это вовсе не обязательно, – заметил мистер Паррик, вздыхая. – Она, если захочет, сможет подняться и так, без всякого смеха. И ей, между прочим, это хорошо известно!

Он повернул голову и загадочно посмотрел на Мэри Поппинс.

– Что ж, – произнесла она, – хоть это все очень глупо и в высшей степени неприлично… Но вы все болтаетесь в воздухе и, как я вижу, опускаться вниз не собираетесь. Значит, выхода у меня нет. Придется подниматься наверх.

С этими словами она вытянула руки по швам и, к немалому удивлению ребят, взлетев под потолок, уселась напротив Джейн. И все это без тени улыбки!

– Сколько раз я вам говорила, – принялась она тут же ворчать, – чтобы вы снимали верхнюю одежду, когда входите в теплую комнату! – И, сняв с Джейн пальто, она аккуратно повесила его в воздухе рядом со шляпкой.

– Вот это дело, Мэри! – воскликнул мистер Паррик, свешиваясь вниз и кладя очки на каминную полку. – Вот мы и устроились, причем вполне удобно.

– Да, сплошные удобства! – фыркнула Мэри Поппинс.

– Вот теперь можно и чайку попить! – продолжил мистер Паррик, не обратив ни малейшего внимания на эту колкость. Но в следующий момент его лицо вдруг приняло растерянное выражение. – О боже! – простонал он. – Какой ужас! Ведь стол-то находится внизу! А мы все здесь, наверху! Что же делать, а? Мы все

здесь, а он – там. Кошмарная трагедия, ну просто кошмарная! Но, ха-ха-ха, это… это… ужасно смешно! – И, спрятав лицо в носовой платок, он громко расхохотался. Джейн с Майклом, хотя им не очень нравилась мысль остаться без угощения, тоже не смогли удержаться – слишком уж заразительно мистер Паррик смеялся. Наконец мистер Паррик остановился и вытер глаза.

– Есть только один выход, – сказал он, – мы должны подумать о чем-нибудь серьезном. Или о чем-нибудь грустном, очень-очень грустном. Ну, раз, два, три! О чем-нибудь очень-очень грустном, ну!

Все усиленно принялись думать…

Майкл думал о школе и о том, что ему рано или поздно придется туда пойти. Но, странное дело, сегодня даже это почему-то казалось веселым, и он с трудом сдерживал смех.

Джейн думала о том, что когда-нибудь она вырастет и ей будет четырнадцать лет. Но грусти это не вызывало. Она не смогла удержаться от улыбки, представив себя взрослой, одетой в длинную юбку, с сумочкой на плече.

– У меня была старенькая тетя, – размышлял вслух мистер Паррик. – Звали ее тетушка Эмили. И ее переехал автобус. Грустно. Очень грустно. Ну просто невыносимо грустно. Бедная тетя Эмили. Да, но зато ее зонтик остался цел. Правда, забавно? – И секунду спустя он уже сотрясался от неудержимого хохота, вызванного воспоминанием о зонтике несчастной тетушки Эмили.

– Нет, так не пойдет, – сказал он, громко сморкаясь в носовой платок. – Похоже, у моих юных друзей дела обстоят ничуть не лучше. Мэри, может, ты что-нибудь сделаешь? В конце концов, мы хотим чаю!

То, что произошло затем, Джейн и Майкл вряд ли даже теперь смогли бы описать без труда. Едва мистер Паррик обратился к Мэри Поппинс, как стол ни с того ни с сего вдруг начал подпрыгивать сразу на всех четырех ножках. Потом, сильно накренившись, он, звеня фарфором и роняя конфеты из вазочек на скатерть, развернулся и устремился вверх. Через мгновение он уже втиснулся между гостями, да так удачно, что мистер Паррик оказался прямо во главе стола.

– Ай да умница! – воскликнул мистер Паррик, с гордостью глядя на Мэри Поппинс. – Я знал, что ты что-нибудь придумаешь! Я предлагаю, Мэри, вообще взять тебе все в свои руки и начать разливать чай. А гости пусть сядут по обе стороны от меня. Вот так. Неплохо, а? – сказал он, когда Майкл, преодолев разделявшее их расстояние, уселся с правой стороны от него, а Джейн – с левой. Удовлетворенно улыбнувшись, мистер Паррик продолжил:

– Принято, кажется, начинать с бутербродов. Но сегодня мой день рождения, – тут он весело подмигнул ребятам, – поэтому мы будем делать все наоборот и начнем с торта!

С этими словами он отрезал каждому по большому куску.

– Еще чаю? – заботливо спросил мистер Паррик, когда чашка Джейн опустела. Однако ответить она не успела, потому что в этот момент вдруг послышался энергичный стук в дверь.

– Войдите! – крикнул мистер Паррик.

Дверь отворилась, и на пороге появилась мисс Персиммон с кувшином кипятка на подносе.

– Я подумала, мистер Паррик, – начала она, в недоумении озираясь по сторонам, – что вам еще понадобится кипяток… Ну нет! Такого я еще никогда… – с чувством произнесла она, увидев их сидящими вокруг стола под самым потолком. – Никогда в жизни не видела! Это просто безобразие! Конечно, мистер Паррик, я всегда знала, что вы немного странный, но не до такой же степени! Раньше я закрывала на это глаза, потому что вы аккуратно вносили квартирную плату. Но чаепитие в воздухе – это уже слишком! Я просто поражена, сэр! Это так неприлично, а тем более для джентльмена вашего возраста! Я бы никогда, ни за что…

– А вдруг и вы тоже, мисс Персиммон? – весело спросил у нее Майкл.

– Что «тоже»? – надменно произнесла она.

– Ну, наглотаетесь веселящего газа, как мы?

Мисс Персиммон с достоинством вскинула голову.

– Надеюсь, молодой человек, у меня пока еще достаточно самоуважения, чтобы нормально ходить по земле, а не болтаться в воздухе наподобие воздушного шарика на веревочке! Благодарю покорно! Не будь я Эмили Персиммон, если не буду твердо стоять на собственных ногах… Ах! Ой! Господи! Бог мой! Я не могу идти, я… Ой! Помогите! На помощь! – кричала мисс Персиммон, потому что, внезапно оторвавшись от пола, медленно поплыла вверх, перекатываясь с боку на бок, точно узкий, длинный бочонок. Она изо всех сил пыталась сохранить равновесие и не пролить из кувшина воду. Когда мисс Персиммон наконец достигла стола и поставила на скатерть злосчастный кувшин, она чуть не плакала.

– Спасибо, – поблагодарила Мэри Поппинс очень спокойно и вежливо. Мисс Персиммон покорно повернулась и, слегка покачиваясь, стала опускаться вниз.

– Как неприлично! – услышали они ее сдавленное бормотание. – О, как неприлично! И это я, такая благовоспитанная, степенная женщина! Нет, я должна обратиться к врачу!..

Едва коснувшись ногами пола, она, не оглядываясь, выбежала из комнаты.

– О боже, как неприлично! – еще какое-то время доносилось из-за двери.

– Да, выходит, теперь она вовсе не Эмили Персиммон: ведь она не сумела устоять на собственных ногах… – прошептала Джейн Майклу.

Мистер Паррик укоризненно, но вместе с тем восхищенно посмотрел на Мэри Поппинс.

– Мэри, ты не должна была, ей-богу, не должна была этого делать! Бедная старушка этого не переживет! О господи, а как она ковыляла по воздуху! Ха-ха-ха! Нет, как ковыляла!

И мистер Паррик, а вместе с ним и Джейн с Майклом безудержно захохотали. Они барахтались в воздухе и, держась за бока, буквально захлебывались от смеха, вспоминая, как выглядела мисс Персиммон.

– О боже! – стонал Майкл. – Не смешите меня больше! Ой, не могу! Я ло-о-о-пну!

– Ой-ой-ой! – кричала Джейн, задыхаясь и держась за живот.

– Ах, боже мой! – ревел мистер Паррик, вытирая глаза полой пиджака, так как платка под рукой не оказалось.

– Пора домой! – вдруг, словно труба, прозвучал голос Мэри Поппинс.

И тут же и Джейн, и Майкл, и мистер Паррик со страшным грохотом шлепнулись на пол. Мысль о том, что пора идти домой, была первой грустной мыслью за весь день. И стоило им только подумать об этом, как Веселящий газ сразу же из них улетучился.

Ребята, вздыхая, смотрели, как Мэри Поппинс медленно опускается вниз, держа в руках пальто и шляпку Джейн.

Мистер Паррик тоже вздохнул.

– Как грустно, – удрученно сказал он. – Очень жаль, что вы должны идти домой. Я никогда еще так не веселился. А вы?

– Никогда, – понуро ответил Майкл, чувствуя, как скучно просто ходить по земле.

– Никогда, – подтвердила Джейн и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула мистера Паррика в кругленькую, будто яблочко, щечку. – Никогда! Никогда…

Домой они ехали на автобусе. Джейн и Майкл сидели по обе стороны от Мэри Поппинс. Они были необычайно молчаливы. Каждый из них думал об удивительном, ни на что не похожем дне. Наконец Майкл тихо спросил, обращаясь к Мэри Поппинс:

– И часто с вашим дядей это случается?

– Что «это»? – переспросила та резко, словно Майкл чем-то внезапно разозлил ее.

– Ну так смеется, болтается, в воздух взлетает.

– Болтается?! В воздух?! – Голос Мэри Поппинс сделался еще более сердитым. – Что ты имеешь в виду?

Джейн попыталась объяснить.

– Майкл хочет спросить, часто ли ваш дядя наполняется Веселящим газом и кувыркается под потолком, когда…

– Кувыркается! Что за вздор! Подумать только, кувыркается под потолком! Вы еще скажете, что он воздушный шар! – рассерженно фыркнула Мэри Поппинс.

– Но ведь это же было! – возмутился Майкл. – Мы видели!

– Что, кувыркание? Да как вы смеете! Мой дядя, да будет вам известно, – добропорядочный, честный и трудолюбивый человек! А потому будьте добры говорить о нем уважительно! И прекрати сейчас же жевать свой билет! Подумать только! Кувыркается!

Майкл и Джейн переглянулись. Сделали они это молча, потому что уже успели понять: спорить с Мэри Поппинс совершенно бесполезно. Взглядом они как бы спрашивали друг у друга: «Интересно, правда это или нет? О мистере Паррике. Кто же прав – мы или Мэри Поппинс?» Но вокруг не было никого, кто бы мог дать им правильный ответ.

Автобус ревел, подскакивая и трясясь на ухабах. Мэри Поппинс сидела между детьми, сердитая и молчаливая. Однако время шло, и скоро Джейн и Майкл, несмотря на одолевавшие их сомнения, уже крепко спали, с двух сторон прижимаясь к своей удивительной няне…

Глава 4. Мисс Ларк и ее Эндрю

Мисс Ларк жила в соседнем доме. Надо сказать, что это был самый большой дом на всей Вишневой улице. Даже Адмирал Бум завидовал мисс Ларк, хотя его

собственный дом был похож на настоящий корабль – с трубами и мачтой для флага. Часто обитатели улицы могли слышать, как он, глядя на ее окна, ворчал: «Лопни моя селезенка! И зачем ей такое!» Зависть его вызывали два входа: парадные ворота для друзей и родственников и калитка для мясника, булочника и молочника.

Как-то раз булочник ошибся и вошел не в те ворота. Это вызвало такой гнев мисс Ларк, что она поклялась никогда в жизни не есть больше хлеба. Однако через некоторое время ей все же пришлось простить булочника. Он был единственным во всей округе, кто умел печь маленькие вкусные булочки с хрустящей фигурной корочкой. Но с тех самых пор она его невзлюбила, и бедный булочник теперь во время своих визитов как можно глубже надвигал на глаза шляпу, чтобы хозяйка думала, что это кто-то другой. Но не тут-то было!

О том, что мисс Ларк прогуливается по улице или по саду, Джейн с Майклом узнавали еще издалека, потому что она носила такое количество бус, серег, колец и брошей, что бренчала и звенела, словно полковой оркестр.

Почти всегда, когда дети попадались мисс Ларк по дороге, она говорила одну и ту же фразу:

– Доброе утро! (а если это было днем, то «добрый день!»). Ну, как мы поживаем?

И Джейн с Майклом никак не могли понять, обращается мисс Ларк к ним или же просто разговаривает сама с собой и со своим ненаглядным Эндрю. Поэтому они отвечали просто:

– Добрый день! (или, конечно, «доброе утро», если это случалось утром).

И весь «добрый» день до них доносились непрерывные крики мисс Ларк:

– Эндрю, где ты?

или

– Эндрю, ты не должен выходить на улицу без пальто!

или

– Эндрю, иди к мамочке!

Посторонний человек, конечно, подумал бы, что Эндрю – маленький мальчик. Порой Джейн казалось, что мисс Ларк именно так и думает. Но Эндрю не был маленьким мальчиком. Он был собакой – одной из тех маленьких шелковисто-лохматых собак, которые так похожи на пушистую меховую муфту, но, разумеется, только до тех пор, пока не начнут лаять. После этого сразу становится ясно, что перед вами собака, потому что ни одна муфта не в состоянии наделать столько шума.

Так вот этот Эндрю вел такую роскошную жизнь, что можно было подумать, будто он вовсе никакая не собака, а по меньшей мере персидский шах. Спал он на специальной шелковой подушечке в комнате мисс Ларк. Дважды в неделю его возили к парикмахеру, где мыли дорогим шампунем. К обеду ему постоянно подавали взбитые сливки, а иногда даже и устриц. А еще у него было целых четыре пальто, клетчатых и полосатых. Самый заурядный день Эндрю выглядел так, как у нормальных людей выглядит, пожалуй, лишь день рождения. Но зато когда у Эндрю наступал день рождения, ему даже на торт ставили по две свечки за каждый год, а не по одной, как это принято.

В результате все соседи терпеть не могли Эндрю. Люди от всей души смеялись, когда видели, как он, восседая на заднем сиденье автомобиля мисс Ларк, отправлялся к парикмахеру, весь обложенный подушками и укутанный в свое лучшее пальто. А в тот день, когда мисс Ларк купила Эндрю две пары маленьких кожаных ботинок, чтобы он мог гулять по парку в сырую погоду, к ее парадным воротам сбежались почти все обитатели улицы – посмотреть на такую невидаль и украдкой похихикать в кулак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pamela-trevers/meri-poppins

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить